

Поэт без чувства Родины — не поэт

Сергею Каргашину хотелось бы забыть о деньгах и только писать. Но жить на что?

Век. — 1995. — 14 дек. — с. 11



Чем дышат-живут молодые эстрадные певцы и музыканты, узнать несложно. Они и в газетах, и на экранах ТВ, и у радиомикрофона. Меньше говорят и пишут о молодых художниках и исполнителях классики. И почти ничего — о молодых литераторах. Как будто их и нет. А они, оказывается, есть и, похоже, их немало. В этом году в Москве прошло даже редкое для наших времен совещание молодых писателей. Одним из его участников был Сергей Каргашин, 29-летний поэт, у которого недавно вышел новый сборник стихов «На миллиметр от боли». Сегодня С. Каргашин — наш собеседник.

— Так чем же, Сергей, дышат-живут сегодняшние поэты?

— Чем угодно, только не Родиной. Поэт нынче из-

мельчал. Судя по атмосфере, царившей на совещании, одних безумно мучает вопрос оскудения писательской кормушки, другие безоглядно растворились в замкнутом пространстве своих писательских кухонь. И то, что происходит за окном, их совершенно не волнует.

— А вас?

— «Спасибо» Чечне, период «искусство вне политики» мной уже пройден. Когда в моем собственном доме начинают стрелять, оставаться с краю — глупо и опасно. Шальные пули очень неразборчивы.

Евтушенко хорошо сказал: «Поэт в России больше, чем поэт». Жаль, конечно, что с его стороны это были только слова... А у большинства других поэтов и таких слов не найдешь. Что они пишут? Для кого?...

Разве это греет? Сплошная мертвечина. Как говорил Есенин в таких случаях — плакать хочется! Потому их никто и не читает. Превратили поэзию в элитарную, камерную забаву. Слово-то какое — камерная! Попытались по щелям-норкам, свой нос на свет божий бояться показать. И правильно делают — таким нечего высывываться! Ни чувства Родины! Ни голоса! Поэты... Я теперь многое понял. Талант — это крест. Его надо нести до конца.

— И что же это за крест?

— Правда. Какой и куда бы ветер ни дул — нужно говорить правду. Только до нее дорасти надо. Чтобы твоя личная правда вмещала чувства и мысли миллионов. И если это получится — ты поэт!

Разве можно писать о бабочках, соловьях и прочей ерунде, когда Отечество трещит по всем швам?! «Господин Доллар» — вот наш официальный курс в никуда.

Пассивная позиция в конечном счете есть не что иное, как молчаливое одобрение.

— Политика и так уже навязла у всех на зубах. Давайте поговорим о вас. О муках творчества. О вашем последнем сборнике...

— Хорошо. Единственное, что хочу добавить вдогонку вышесказанному, поэзия — это комок боли. Нет боли — нет поэзии.

— Теперь ясно, почему вы так назвали книгу — «На миллиметр от боли». И все-таки не лучше было бы взять в заглавие какую-нибудь строчку из вашего стихотворения, например, вот эту: «Постойте, девушка, не вас ли я ищу?» Ведь основные пространства книги отданы все же любовной лирике...

— А ведь знаете, в жизни

все значимое, высокое непременно соседствует с болью, утратами. Возьмем любовь. Настоящая любовь простой не бывает. Сейчас вы на седьмом небе, но вот беда — вам есть откуда падать. Не боится падений лишь тот, кто никогда не летает. И потом, потенциальной болью пропитана вся структура нашей жизни: рождение—смерть...

— И тем не менее многие ваши стихи весьма оптимистичны. В чем вы черпаете свое вдохновение? Создается впечатление, что вы эдакий донжуан. У вас даже есть такая строчка: «...сплю со всеми подряд...».

— Как говорится, слов из песни не выкинешь. На определенном жизненном этапе я был достаточно активен на поприще любви. Хотя насчет той строчки я, видимо, погорячился. А что касается вдохновения — оно везде. В трепете женских ресниц. В неожиданной «подставке» старого друга. Физиономия какого-нибудь подлого политика тоже может согдиться. Для творчества нужна встряска. А она может нагрнать через что угодно.

— Как вы относитесь к тому, что вас сравнивают с Есениным? Что, естественно, не в вашу пользу.

— Почему? Писать по-есенински, овладеть такой высотой — предел мечта-

ний для любого сегодняшнего поэта. Но для того чтобы так писать, нужно родиться Есениным. Для меня это шкала. Образец.

Что касается моего писания — мне не нужно подделываться под Есенина. Я такой, какой есть. Я пишу от себя. И если вы увидели во мне схожесть с Есениным — то я принимаю это как комплимент.

— Давайте спустимся на грешную землю. На что вы живете? Чем кормитесь?

— После службы в армии, будучи студентом университета, подрабатывал на вернисаже — расписывал балалайки. Получив диплом, работал в одной коммерческой фирме — занимался рекламой. Сейчас служу в детективном агентстве.

— Следите? Подслушиваете?

— Лично я этого не делаю. Я больше по аналитической части.

— Хорош аналитик-поэт. Это же две несовместимые вещи. Как вы выкручиваетесь?

— Видимо, имеет место исключение из правила. Пока справляюсь. Но если бы была возможность забыть о деньгах — не задумываясь, все бросил и только бы писал. И прозу, кстати, тоже. Материала хватит. Октябрьские события 1993-го разворачивались

прямо на моих глазах. Я тогда как раз в бывшем здании СЭВа работал (здание мэрии). И по воле судьбы оказался в самой гуще событий. Так что и через мою душу тот ток был пропущен. И на депутатов вдоволь насмотрелся. А с некоторыми из них, довольно-таки известными, даже водки выкушал.

— По поводу водки. Тема пьянства нередко из одного вашего стихотворения переливается в другое.

— А куда ж без нее — без родимой. На том стоим. Все-таки Русь-матушка. А если серьезно — быть молодым и не выпить? Другое дело, что каждому возрасту свое. Перебесился — отдыхай! Занимайся делом.

— А как складываются ваши отношения с поэтической тусовкой?

— Никак. Я — сам по себе. Чтобы тусоваться, нужно время и деньги. У меня же нет ни того, ни другого. Что будет завтра, не скажу — не знаю.

— И последний вопрос. На задней обложке книжки вы в камуфляже и с ружьем. Что это значит?

— Я охотник с двенадцатилетним стажем.

— Не жалко убивать?

— А вы об этом поинтересуйтесь у Толстого, Тургенева, Некрасова, Аксакова... Есенина почитайте — «Анну Снегину»...

Беседовал Петр ДРОЗДОВ

